

ГУМАНИТАРНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

Биосоциология молодежи: экспертные оценки изменений в обществе, связанных с увеличением продолжительности жизни*

Вал. А. Луков

(МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)

В статье анализируются результаты социально-гуманитарной экспертизы по проблемам биосоциологии молодежи, проведение которой начато в 2012 г. в Институте фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета. Рассматривается круг вопросов, связанных с вероятными изменениями в статусе молодежи ввиду увеличения продолжительности жизни. Ключевые слова: биосоциология, молодежь, продолжительность жизни, социально-гуманитарная экспертиза, тезаурусный подход.

В журнале «Знание Понимание. Умение» и других изданиях уже публиковались наши работы с изложением концептуальных положений биосоциологии молодежи (Луков, 2011, 2012а, 2012б), а также первые материалы социально-гуманитарной экспертизы по этой тематике, касающиеся оценки изменений в новых поколениях (Луков, 2012с). Это исследование в своей эмпирической части основывается на ответах, которые ряд видных ученых в области социально-гуманитарного знания, специалисты по проблемам молодежи и другие эксперты прислали в ответ на наше обращение к ним.

Среди вопросов, которые мы задали экспертам, был следующий: «В научных сообществах обсуждается вопрос о возможностях решительного изменения продолжительности жизни человека при помощи новых биомедицинских технологий (включая разработку медицинских нанороботов и т. п.). Получили распространение идеи трансгуманизма о ско-

ром появлении постчеловека и т. п. Если такие изменения произойдут и человек будет жить 100 и больше лет, сохранятся ли общественные функции молодежи? Какие изменения в ее социализации и ее жизненном становлении можно ожидать? Вообще — будет ли выделяться молодежь как особая социальная группа в таком обществе?» В настоящей статье мы рассмотрим спектр позиций, представленных в ответах 31 участника данного исследования по обозначенному вопросу. Эксперты дали разрешение на публикацию их ответов с обозначением их авторства.

Следует сразу отметить, что вопрос многолоен и поэтому предполагает неоднозначные ответы, что и осложняет их группировку. Простейшее разделение на группы (1) признающих, что никаких существенных изменений в социальном положении молодежи при указанных внешних для нее изменениях, и прежде всего увеличении продолжительности жизни, не произойдет; (2) считающих, что такие измене-

* Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект 11-06-00483-а).

ния неизбежны; (3) не определившихся с позицией или развернувших дискуссию в ортогональном направлении — дало процентное соотношение сторонников этих групп 35,5 — 48,4 — 16,1%. Иными словами, такое разделение выявляет соотносимые доли тех, кто признает значимость предстоящих изменений, и тех, кто не согласен с этим.

Все же такое разделение мало что проясняет и имеет смысл только для того, чтобы увидеть сложность вопроса.

При более детальном рассмотрении аргументации экспертов обращает на себя внимание то, что лишь в немногих случаях позиция эксперта может быть охарактеризована как однозначная. Так, в первой группе мнение доктора социологических наук, декана юридического факультета МосГУ, профессора кафедры социологии МосГУ Д. Л. Аграната таково: «Я думаю, что молодежь всегда будет молодежью в тех возрастных границах, которые ей сегодня определены». Из второй группы однозначным и даже предельно заостренным можно признать мнение кандидата биологических наук, старшего преподавателя кафедры общей биологии и экологии Восточносибирской государственной академии образования (г. Иркутск) Н. В. Макаркиной: «Молодежь как особой социальной группы в таком обществе не будет».

В ответах, которые мы отнесли к первой группе, выявляются следующие аргументы экспертов:

а) *ситуация пока относится к разряду гипотетических, и еще нет оснований предполагать изменения в социальном статусе молодежи.* Так, А. П. Киященко, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института философии РАН, отмечает: «Прогноз о скором появлении постчеловека — из области научной фантастики, его массовое появление, которое дало бы повод думать о сохранении общественной функции молодежи, пока носит гипотетический характер. И все-таки, если говорить специально о сохранении общественной функции молодежи в таком гипотетическом варианте увеличения продолжительности жизни человека, то сохранность статуса молодежи в жизни обще-

ства представляется непоколебимой, как и во все времена». Подобное мнение высказывает кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института философии РАН Г. Ю. Канарш: «Несмотря на наличие такого рода тенденций, думается, что они вряд ли носят сегодня универсальный характер (поскольку развитие современных обществ отличается крайней неравномерностью). Если же допустить в качестве гипотезы, что в наиболее развитых обществах будут происходить подобные изменения (увеличение биологического возраста человека до 100 и более лет), то вряд ли это повлечет за собой резкие изменения в социальных функциях и социальном статусе молодежи, по крайней мере в обозримой перспективе (просто хотя бы в силу консервативного характера самих общественных установлений, а также весьма ограниченной доступности дорогостоящих „возрастных“ технологий для значительной массы людей)». Гипотетичность ситуации оригинально осмыслил В. А. Решетников, доктор философских наук, профессор, директор Института социальных наук и заведующий кафедрой социальной философии и социологии Иркутского госуниверситета, который пишет: «С нашей точки зрения, это не более чем один из вероятностных сценариев развития (имеется в виду постгуманистический замысел трансформировать природу человека. — Вал. А.). И пугающий. Однако реалистический сценарий состоит в том, что человечество в силу глобальных противоречий социального, экономического и военного характера может вообще не дожить до становления гипотетической сверхчеловеческой цивилизации и появления „всечеловека“». О том, что поставленный вопрос — из области фантастики, пишет доктор исторических наук, профессор В. К. Криворученко;

б) *стабильность статусных характеристик молодежи отражает природные основания общественного устройства и этим защищена от различных трансформаций.* Убедительно пишет в ответе нам выдающийся психолог, член-корреспондент РАН, член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, профессор, директор Института психологии РАН А. Л. Журавлев: «Молодежь как социальная

группа, а также ее общественные функции сохраняются в любом случае, при любых вариантах дальнейшего развития человека. Через пол и возраст прежде всего выражается биологическая природа человека, которая не может просто так исчезнуть. Человека характеризует биопсихо-духовно-социальная природа, свидетельствующая о тесной связи четырех главных субстанций — биологической, психической, духовной и социальной. В этом единстве существовал исторический человек, состоит современный, и эту же сущность сохранит будущий человек, хотя содержательные характеристики этих субстанций изменялись и будут изменяться». Близкие позиции высказывает доктор исторических наук, доцент М. Н. Гусарова;

в) *хотя изменения в природных качествах человека, включая продолжительность его жизни, возможны, остается неизменным поколенческий фактор связи людей в обществе.* Эту точку зрения, в частности, выражает видный культуролог О. Н. Астафьева, доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой культурологии и социальных коммуникаций Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Она пишет: «Безусловно, что научные разработки и тенденции активного вмешательства человека в природные процессы (окружающую среду) в будущем приведут к существенным изменениям, в том числе и биопсихическим изменениям человека, выступая адаптационным механизмом. Однако поколенческий фактор длительное время будет сохранять свою значимость, поскольку технологии социализации при всем их совершенствовании не отменяют значения фактора передачи информации и жизненного опыта, по крайней мере такая ситуация сохранится до тех пор, пока не появятся новые технологические механизмы. В настоящее время регулированием этого процесса должна заниматься биоэтика». На аналогичное значение социализационных процессов указывает доктор социологических наук, профессор Н. А. Селиверстова: «Увеличение продолжительности жизни человека не исключает его первичной и вторичной социализации. В недавнем прошлом европейского сообщества увеличение продолжительности

жизни привело к удлинению периода детства и юности. Вряд ли возможно повторение в предлагаемых обстоятельствах. Уж очень изменились обстоятельства». По мнению украинского исследователя Национальной академии наук Ю. А. Ищенко, кандидата философских наук, известного работами в области биоэтики, «вопрос о преемственности и наследии — передаче опыта, знаний, ценностей от поколения к поколению — останется ключевым в выживании человечества, а варианты его решения потребуют изменения системы воспитания и образования. Функции „плодиться, учиться, трудиться“ востребуют новую культурную форму понимания молодости и зрелости». О значении различий поколений как константы социальной жизни говорит в своем ответе Е. В. Бодрова, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории России Московского государственного университета электроники и автоматики.

Посмотрим на аргументацию тех экспертов, которые считают, что изменения в социальном статусе молодежи при значительном изменении продолжительности жизни человека неизбежны. Здесь мы выделяем следующие аргументы, которые отражены в ответах экспертов этой группы:

а) *возрастная граница молодежи существенно сдвинется вверх, и ее социальные функции будут заметно меняться.* Вполне основательно этот тезис выражает ответ И. И. Ашмарина, кандидата физико-математических наук, старшего научного сотрудника отдела комплексных проблем изучения человека Института философии РАН. Он, в частности, пишет: «Увеличение продолжительности жизни как таковое постоянно сопровождает культурогенез. Соответственно, изменяются границы всех возрастных когорт, в том числе молодежи. <...> Можно экстраполировать повышение верхней возрастной границы молодежной когорты на те времена, когда ожидаемая продолжительность в России приблизится к 100 — это будет примерно 45 лет. Социализация и социальные функции молодежи при этом, конечно, будут меняться (социализация, например, растянется во времени), но вместе со сдвигом возрастной границы это будут следствия од-

ной причины — соответствующие общецивилизационные (социальные, культурные, экономические и т. д.) изменения в обществе. Не думаю, что это будут разительные изменения...» О той же верхней возрастной границе будущей молодежи в 45 лет говорит кандидат социологических наук, доцент Н. В. Васильева. Увеличение возрастных рамок молодежи также прогнозируют кандидат социологических наук О. О. Намлинская, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии РАН Е. И. Ярославцева и другие, а существенное изменение функций — доктор философских наук и доктор культурологии, известный культуролог А. В. Костина, кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой социальной работы Института социальных наук Иркутского государственного университета Е. В. Решетникова;

б) *затянется процесс социализации молодежи.* Это обстоятельство подробно в своем ответе комментирует Вл. А. Луков, заслуженный деятель науки РФ, доктор филологических наук, профессор, директор Центра теории и истории культуры Института фундаментальных и прикладных исследований МосГУ. Он, в частности, пишет: «Увеличение жизни до 100 лет неизбежно затянёт и процесс социализации, обучения (чему будут способствовать нарастающие требования к квалификации специалиста и увеличивающийся поток информации), так что к молодому поколению будут относить людей, возможно, до 50 лет, которых в наше время никак не назовут молодыми (но ведь с позиций древних обществ и нынешние 30-летние — никак не молодые)». В ответах И. И. Ашмарина, О. О. Намлинской звучат схожие мотивы. Доктор экономических наук, доцент, директор Центра социологии молодежи Института фундаментальных и прикладных исследований МосГУ В. А. Гневашева обращает внимание на новый фактор «дистантной» социализации. А. Л. Журавлев также придает значение фактору социализации, он пишет: «В социализации молодежи будет по-прежнему отмечаться тенденция к закреплению поляризованного характера включения молодых людей в полноценную социальную жизнь: по каким-то направлениям это будет происходить

все раньше с каждым новым поколением, а по каким-то с возрастающей отсрочкой. Некоторые изменения в жизни общества неизбежно будут требовать растущих социального, нравственного, правового и других видов зрелости человека, формирование которых требует определенного времени его жизни, необходимого для накопления соответствующего жизненного опыта. Поэтому полноценное включение молодых людей в отдельные сферы жизни общества будет оставаться отсроченным. А в напряженные виды деятельности, требующие большой энергии, ненормированного рабочего времени, высокой переключаемости и т. п., молодые люди будут включаться в более раннем возрасте, чем это происходит сегодня, например в менеджмент, политику и т. п.»;

в) *изменения молодежи будут существенными, но не затронут ее функций в обществе, которые сохранятся.* О. В. Лунева, кандидат психологических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой социальной и этнической психологии МосГУ, высказывает следующее положение: «Мне кажется, что молодежь всегда останется особой социальной группой, нуждающейся в освоении социального опыта. Будут меняться границы группы, возрастные периоды. У роботов этого процесса не будет». В этой характеристике, как нам представляется, косвенно угадываются исследования автора по проблемам социального интеллекта (Лунева, 2012), эта связь функций молодежи и развития социального интеллекта пока в литературе о молодежи представлена слабо.

На сохранение социальных функций молодежи указывают также А. Л. Журавлев, Вл. А. Луков, Е. И. Ярославцева и др. Доктор философских наук, директор Центра социально-философских исследований Института фундаментальных и прикладных исследований МосГУ Ч. К. Ламажаа, поддерживая этот тезис, в то же время замечает при этом, что «в условиях усилившейся инновационности общества, в том числе российского, безусловно, молодежь уже будет не просто наследовать достигнутый уровень социально-экономического развития общества, но и будет активным участником этого развития». Этот социально-субъектный аспект представляется очень важ-

ным, особенно с учетом разнородности этого качества в зависимости от региональной дифференциации молодежи (Ламажаа, 2012);

г) *изменяются критерии отнесения к молодежи*. На это обстоятельство указывают несколько экспертов. Так, Е. В. Мошняга, доктор философских наук, заведующий кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации Российской международной академии туризма, пишет: «Касательно, общественных функций молодежи в будущем, и будет ли выделяться молодежь как особая социальная группа, сомнений нет, что будет... Возможно, изменятся (должны измениться) критерии соответствия группе молодежи. Это будет не возрастной (физиологический и социальный) критерий, а критерии реализации жизненных планов (образовательный уровень, движение по карьерной лестнице, достижение карьерных устремлений, образовательного, профессионального, общественного, имущественного статуса, создание семьи, рождение детей). Исходя из этих критериев и будут определяться функции и роль молодежи в обществе. Как и на Западе, возрастные периоды сдвинутся в сторону более старшего возраста. Возможно, в результате этих сдвигов молодежь будет более ответственной в принятии решений, касающихся как своей частной жизни, так и жизни общества. В мультикультурных/полиэтнических обществах, в обществах, открытых для миграций, процессы этих изменений, в том числе через заимствования критериев и стандартов, будут более интенсивны и показательны».

Близка к этой позиции точка зрения Е. В. Туринцевой, кандидата социологических наук, научного сотрудника Учебно-просветительского центра современных и традиционных экологических технологий (г. Иркутск): «...Воспитание души и поддержание ее в молодом состоянии, пожалуй, главная проблема постчеловека. Общественные функции молодежи не изменятся. По-прежнему молодые — это те, кто осваивает новое в новой среде. На мой взгляд, в таком обществе будет иной критерий выделения молодежи... Возможно, молодежь будет выделяться по такому критерию: пока не пришла усталость от жизни — человек относится к молодежи. Возрастной

летоисчисляемый критерий уже сейчас уходит в небытие».

Ответы экспертов, присланные к настоящему времени, в основном могут быть отнесены к выделенным позициям. Однако аналитический подход в этом случае дает лишь некоторую информацию о характере полученных оценок. В своем большинстве они обладают целостностью, вытекающей из тезаурусов авторов. Думается, неслучайно ряд экспертов расширили свою задачу и подготовили на базе поставленных вопросов обширные проблемные публикации. Среди них А. Л. Журавлев, который опубликовал большой материал, содержащий ответы на поставленные нами вопросы, в психологической газете «Мы и мир» (Журавлев, 2012), видный специалист по социальной информатике К. К. Колин, доктор технических наук, профессор, главный научный сотрудник Института проблем информатики РАН, подготовивший статью, опубликованную в журнале «Знание. Понимание. Умение» (Колин, 2012). Обширность поставленных вопросов делает, по существу, невозможными одномерные ответы и приоткрывает картины мира, разделяемые экспертами.

Для примера процитируем обстоятельный ответ на поставленный вопрос (точнее группу связанных между собой вопросов), который дал П. Д. Тищенко, доктор философских наук, заведующий сектором биоэтики и гуманитарной экспертизы отдела комплексных исследований человека Института философии РАН: «Я думаю, что процесс удлинения человеческой жизни вполне объективен. И он не связан с фантазиями трансгуманистов о „постчеловеке“. Для меня их идеи представляют собой чрезвычайно архаичные, если не сказать допотопные представления о человеке, его теле, его сознании. Весьма наивные представления о болезни как „поломке“ в механизме тела внушают нам надежду ввиду создания в будущем нанороботов. Вот они залезут в нужную клетку и что-то устроят. Но болезнь не поломка, и дело никогда одной клеткой или одной „молекулой“ не ограничивается. На это указывают десятилетия неудачных попыток разработки хотя бы одного надежного метода генотерапии. 12 лет назад расшифрован геном человека.

Казалось бы — знаем какой ген „патологический“, умеем его „исправить“, а эффекта нет. Здесь дефект не в генах, а в примитивной логике механистичного представления жизни. Геном не машина, а что-то напоминающее огромный оркестр, играющий без дирижера...

И здесь, мне кажется, нужно без иллюзий взглянуть на тенденции прогресса. Финансирование „большой науки“ всегда было оборотной стороной, некоторой ширмой для финансирования новых средств ведения войны. Если создать созидающего наноробота трудно по концептуальным соображениям, то несравненно легче создать наноробота-убийцу. И не только роботов, но и огромный спектр современных видов nanoоружия — более компактных, более смертоносных. Подчеркну, убивать легче, чем лечить. Оружие появится раньше новых лекарств.

Конечно, когда оправдывают осваивание капиталов нанотехнологиями, говорят только об их мирном применении — планшетниках, которыми школьникам можно бить друг друга по голове, лампочках — в два раза дороже обычных, но своих и т. д. Стоит ли радоваться, что такой недоразвитый субъект, как „человечество“, субъект не ноосферы, а шизосферы получит скоро в свои руки новые несравненно более мощные средства уничтожения себе подобных? Это как если бы трудному подростку, состоящему на учете у психиатров, наркологов и полицейских, на день рождения подарить новую базуку. Вот уж он оттянется...

Жизнь станет в ближайшее время не столько чуть более долгой, сколько более рискованной, более опасной. В том числе будет развиваться детская, подростковая, молодежная, „пенсионерская“ преступность и т. д. <...>

То, что касается социальной группы „молодежь“, то скорее речь будет идти о более дифференцированном подходе к человеку, который будет ориентирован на изменяющуюся идею „трудоспособности“, „дееспособности“, „вменяемости“, „ответственности“ и т. д. Возраст, как и сексуальность, — это не столько биология, сколько жизненная „ориентация“. Я опасаясь, что человек „постареет“ не только в смысле увеличения доли населения за 50 лет, но и в смысле развития преждевременного

„сенильного“ (старческого) слабоумия в самых разных возрастных группах вследствие атрофии мозговой деятельности от бездействия. Я, к примеру, постоянно ловлю себя на том, что вместо того, чтобы что-то вспомнить, использую поисковик.

Вполне возможно, что вместо категории „молодежь“ будет интересней использовать категорию, обозначающую ту часть населения, которая активно включена в процесс образования и самообразования».

Постановка вопросов о статусе молодежи в новых (возможно, только гипотетически вероятных) условиях дает П. Д. Тищенко, как и ряду других экспертов, основание для их рассмотрения в широком контексте становящегося общества, что следует признать чрезвычайно ценным для формирования биосоциологии молодежи. В некоторых случаях в ответах представлены целые концептуальные конструкции, которые подлежат дальнейшей дискуссии (как, например, концепция «техноэтических инотелян», предложенная Г. П. Юрьевым, доктором медицинских наук, кандидатом психологических наук, главным научным сотрудником сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии РАН, генеральным директором Центра элитарных инвестиций и депозитов виртуальной генеалогии «Трилемма»).

Сделаем некоторые *выводы*.

Эксперты в большинстве своем трактуют представления о существенном вмешательстве человека в свою природу в качестве ненаучной гипотезы или просто вымысла, который не соответствует реальности и в определенном смысле отвлекает от решения реальных проблем (выразительно звучит противопоставление В. А. Решетовым фантастических «детей-индиго» «детям-маугли», ставшим реальностью России). Это не значит, что к биоэтической тематике в научном сообществе нет интереса, но последствия происходящих изменений видятся по большей части в контексте современных (а не предполагаемых в будущем) реалий.

Вероятные изменения в статусе молодежи в связи с увеличением продолжительности жизни одними экспертами оцениваются как существенные, другими — как несущественные, причем обе позиции имеют вполне основатель-

ную аргументацию. Если расположить рядом выделенные выше аргументы в обоснование этих двух различающихся позиций, то мы увидим следующую картину: а) ситуация пока относится к разряду гипотетических, и еще нет оснований предполагать изменения в социальном статусе молодежи; б) стабильность статусных характеристик молодежи отражает природные основания общественного устройства и этим защищена от различных трансформаций; в) хотя изменения в природных качествах человека, включая продолжительность его жизни, возможны, остается неизменным поколенческий фактор связи людей в обществе; г) возрастная граница молодежи существенно сдвинется вверх, и ее социальные функции будут заметно меняться; е) затянется процесс социализации молодежи; ж) изменения молодежи будут существенными, но не затронут ее функций в обществе, которые сохранятся; з) изменятся критерии отнесения к молодежи. Фактически здесь нет заметных противоречий, аргументы в пользу разнополюсных позиций в общем виде дополняют друг друга. С точки зрения тезаурусной концепции молодежи (Луков, 2012а) это важное обстоятельство, связанное с социальным конструированием феномена молодежи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Журавлев, А. Л. (2012) Биопсихологический потенциал молодежи — мифы и реальность [ответы А. Л. Журавлева на вопросы Вал. А. Лукова и А. А. Жигарькова] // Мы и мир : психол. газета. Август. № 8. С. 1–2.
- Коллин, К. К. (2012) Биосоциология молодежи и проблема интеллектуальной безопасности в информационном обществе // Знание. Понимание. Умение. № 3. С. 156–162.
- Ламажаа, Ч. К. (2012) Тезаурусный подход для тувиноведения // Знание. Понимание. Умение. № 2. С. 38–45.
- Луков, Вал. А. (2011) Биосоциология // Знание. Понимание. Умение. № 3. С. 319–323.
- Луков, Вал. А. (2012а) Теории молодежи: Междисциплинарное исследование. М. : Канон+ РООИ «Реабилитация».
- Луков, Вал. А. (2012б) Биосоциология молодежи и будущее гражданского общества // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 1. С. 13–19.
- Луков, Вал. А. (2012с) Биосоциология молодежи: экспертные оценки изменений в новых поколениях // Знание. Понимание. Умение. № 3. С. 146–156.
- Лунева, О. В. (2012) Концепция социального интеллекта личности // Знание. Понимание. Умение. № 2. С. 46–51.
- THE BIOSOCIOLOGY OF YOUTH: THE EXPERT EVALUATIONS OF SOCIAL CHANGES CONNECTED WITH THE INCREASE OF LIFETIME*
Val. A. Lukov
(Moscow University for the Humanities)
- The article examines the results of socio-humanities expert evaluation of the issues of the biosociology of youth, which has been started in the Institute of Fundamental and Applied Studies at Moscow University for the Humanities in 2012. A range of questions related to the possible changes in the status of youth due to the increase of longevity is considered.
- Keywords: biosociology, youth, lifetime, socio-humanities expert evaluation, the thesaurus approach.
- BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATION)*
- Zhuravlev, A. L. (2012) Biopsikhologicheskii potentsial molodezhi — mify i real'nost' [otvety A. L. Zhuravleva na voprosy Val. A. Lukova i A. A. Zhigar'kova] // Мы и мир : psikhol. gazeta. Avgust. № 8. S. 1–2.
- Kolin, K. K. (2012) Biosotsiologiya molodezhi i problema intellektual'noi bezopasnosti v informatsionnom obshchestve // Znanie. Ponimanie. Umenie. № 3. S. 156–162.
- Lamazhaa, Ch. K. (2012) Tezaurusnyi podkhod dlia tuvinovedeniia // Znanie. Ponimanie. Umenie. № 2. S. 38–45.
- Lukov, Val. A. (2011) Biosotsiologiya // Znanie. Ponimanie. Umenie. № 3. S. 319–323.
- Lukov, Val. A. (2012a) Teorii molodezhi: Mezhdistsiplinarnoe issledovanie. M. : Kanon+ ROOI «Reabilitatsiia».
- Lukov, Val. A. (2012b) Biosotsiologiya molodezhi i budushchee grazhdanskogo obshchestva // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2012. № 1. S. 13–19.
- Lukov, Val. A. (2012c) Biosotsiologiya molodezhi: ekspertnye otsenki izmenenii v novykh pokoleniakh // Znanie. Ponimanie. Umenie. № 3. S. 146–156.
- Luneva, O. V. (2012) Kontseptsiiia sotsial'nogo intellekta lichnosti // Znanie. Ponimanie. Umenie. № 2. S. 46–51.